

первореальности, и встреча их есть спекулятивный праздник космического исцеления.

Если, таким образом, могут быть еще представлены какие-нибудь „доказательства“ того, что спекулятивная мысль есть подлинная реальность, то это осуществимо только через раскрытие и обнаружение имманентно присущей ей самобытной закономерности. Основная форма и основная цель жизни Понятия всюду едины и неизменны. Понятие всюду само себя определяет; всегда обращается в этом самоопределении негативно на себя; и восходит к цельности и богатству в содержании. В самоопределении своем оно движется от *всеобщего к единичности*; негативное отношение к самому себе заставляет его развиваться по свойственным ему законам *диалектики*; достижение *цельности и богатства* слагает его в своеобразное состояние высшей *спекулятивной конкретности*. Эти формы и свойства Понятие вносит во все, чему оно причастно, или, вернее, во все, что имеет реальность благодаря его присутствию: через Понятие все получает форму всеобщего, все движется диалектически, все восходит к конкретному состоянию. Таковы основные законы Духа и его жизни.

Поэтому в дальнейшем необходимо прежде всего раскрыть их философскую сущность.

Глава пятая

ВСЕОБЩНОСТЬ МЫСЛИ

Может быть, нигде не обнаруживается столь резко и наглядно отличие логики Гегеля от обычной формальной логики, как в идее „всеобщего“ (Allgemein). К этому ведет с железной необходимостью установленное им учение о реальности мысли; ибо вместе с этим основным изменением обновляется весь внутренний строй и порядок, присвоенный обычно понятию.

Вся тенденция *формально-логического* учения о понятии сводится к тому, чтобы установить ту особую, специфическую структуру и тот особый, специфический порядок отношений, которые присущи „идеальному понятию“ в отличие от „реального явления“. *Ordo et connexio idearum* резко и отчетливо не совпадает с *ordo et connexio rerum*. Вещи не могут быть родовыми и видовыми; вещи не бывают всеобщими и отвлеченными; вещи не подлежат закону тождества; их нельзя „определять“ и классифицировать. Зато понятия не имеют пространственной формы или временной длительности; понятия лишены созерцательного

вида и образа; они не подлежат процессу и изменению; они требуют других познавательных приемов, определяются иными категориями, повинуются особым законам.

Философия Гегеля делает попытку подняться над этими границами и различиями и, как уже выяснено, установить такие категории, в которых должно уложиться *всякое* содержание. Такими категориями могут быть только категории спекулятивной мысли или, точнее, только *формы жизни самого Понятия*. Ибо всякое содержание, если оно что-нибудь „значит“ и чего-нибудь стбит, причастно субстанциальной реальности, т. е. спекулятивной мысли: спекулятивное понятие есть *сущность*, и формы его суть поэтому формы всякого содержания; не потому, что „мы“ только и „можем познать“ в них всякое содержание, как сказала бы „рассудочная“ теория познания; но потому, что спекулятивные категории суть *действительные* способы *действительной* жизни *всего*, что реально. Поэтому исследовать жизнь спекулятивной мысли в ее основных формах — значит исследовать сущность *всякого* подлинного процесса. Мысль, понятие не имеет, по Гегелю, своих особых, специфических категорий и форм, отличающихся от категорий „реального“ мира. Мысль реальна сама по себе и есть начало реальности во всем. Закон ее есть закон *всего* реального; пульс ее есть пульс всякого совершения; слово ее непреложно и не знает соперничества.

Отсюда непосредственно следует, что в спекулятивной философии мысль сообщает всему реальному формы *всеобщности, диалектического развития и конкретности*; и что значение этих категорий должно быть совершенно иным по сравнению со сходно-именными категориями формальной логики.

Сущность идеи „всеобщего“ (Allgemein) при *всяком* понимании и с любой точки зрения слагается в *качественном* сопоставлении *множества и единства*. Каждый раз, как разумеют всеобщность, имеют в виду наличность некоторого множества элементов, отличных друг от друга, и необходимость так или иначе образовать при их участии некое единство. Всеобщность есть всегда *единство*, образовавшееся из *множества*; даже в том случае, когда внимание настолько поглощается *единством*, что момент множества бледнеет или, по-видимому, отпадает вовсе. Вопрос о дальнейшем определении и понимании „всеобщего“ решается в зависимости от того, что представляют из себя элементы этого множества и в каком отношении они стоят друг к другу и к слагающемуся из них единству. Систематический анализ всех возможных комбинаций и пониманий требует, конечно, особого исследования. Гегель со своей стороны указывает три различных понимания всеобщности, из которых он два отвергает как неверные и нефилософские, а третье устанавливает как истинное.

„Всеобщее“, как показывает самое слово, есть всегда нечто такое, что „обще всем“, (*allgemein — allen gemein*), в чем так или иначе „участвуют“, все элементы данного множества. Эти элементы именуется обыкновенно „единичными“, а то единство, в котором они являются участниками, — „всеобщим“. Отношение всеобщего к единичному слагается, таким образом, по существу из множества сходных отношений *единой всеобщности к каждому из единичных элементов* множества. В этой серии отношений оказывается момент „постоянный“ и момент „переменный“: всеобщее есть постоянный момент; единичное есть момент переменный. Перед лицом многоликого множества всеобщность есть нечто постоянное и устойчивое; элементы могут быть различны; она *не* различна, но одинакова, равна сама себе; элементов много; она едина. Поэтому всеобщее, в самом общем определении своем, является некоторым *устойчивым, постоянным единством, находящимся в закономерных отношениях с „подчиненным“ ему многообразным множеством*. Все три вида всеобщности, отмечаемые Гегелем, подходят под это определение, суть его разновидности. Однако два из них отвергаются на том основании, что сущность „закономерных отношений“ между всеобщностью и единичностями не имеет в них спекулятивного характера.

В худшем из этих случаев „всеобщим“ является такое содержание, которое наблюдается во многих или во всех единичных *эмпирических явлениях*; посредством сравнения¹ этих „реальных“ вещей или явлений удается констатировать, что данное содержание „устойчиво“ и потому „всеобщее“. Эта устойчивость может, например, иметь характер временной *длительности* какого-нибудь свойства при сравнительно-быстрой исчезаемости других, более преходящих свойств. Или же, более частый случай, устойчивость состоит в том, что какое-нибудь свойство одинаково присуще многим или всем эмпирическим вещам,² причем эти вещи, сохраняя свое разрозненное (абстрактное) и единичное существование,³ объединяются в единство этой эфемерной „дурной“⁴ „общностью“ (*Gemeinschaftlichkeit*).⁵ При таком поверхностном соединении (*Zusammenfassung*)⁶ или группировании „общее“ свойство не отвлекается от „конкретных“ вещей и содержанием возникающей *чувственной*,⁷ эмпирической⁸ всеобщности являются сами единичные вещи.⁹ Рефлексия ограничивается сравнением и не переходит к абстракции; ей важно только охватить множество (*die Vielen*)¹⁰ или, в лучшем случае,

¹ Log. III. 96. 97. 292.   ² Ср.: Rel. I. 212.   ³ Log. III. 96. 97. Rel. I. 54. 268.   ⁴ Recht. 115; 5 Rec. 211.   ⁵ Log. III. 96. 97. 292. Enc. I. 338. Recht. 59; 5 Rec. 211.   ⁶ Log. III. 96. 97. Rel. I. 54; 5 Rec. 215.   ⁷ Ср.: Phän. 90. Enc. I. 332.   ⁸ Log. III. 98. Recht. 392.   ⁹ Rel. I. 54.   ¹⁰ Recht. 392.

все (Allheit);¹ и „всеобщее“ получает здесь значение — конкретного-эмпирического чувственного „целого“ (Aggregat).²

Такая всеобщность есть явный продукт эмпирического знания на первых его ступенях: дискретное множество чувственных вещей, поверхностное объединение их в случайные и эфемерные группировки, отсутствие работы мысли — все это делает эмпирическую всеобщность достоянием отвергнутой чувственной ступени „знания“.

Сравнительно лучшим является второй, также отвергаемый вид всеобщего — рассудочно-абстрактный. Он слагается на том же пути, как и первый, довершая, однако, его дело отвлечением.³ Устойчивое-повторяющееся свойство эмпирических вещей фиксируется рассудочной мыслью и превращается для элементов множества в отвлеченное *praedicabile*. Возникший родовой признак противопоставляется элементам объема, полагается *вне* их, как бы помещается по другую сторону от них в виде абстрактного рассудочного тождества.⁴ Всеобщность этого дурного понятия состоит в его способности быть приложенным, примененным, приписанным, предсказанным *всем* элементам подчиненной сферы.⁵ Здесь всеобщее не представляет уже из себя совокупность единичностей; оно *выделено* из них, поставлено *над* ними; единичные вещи не входят в него, не содержатся в нем,⁶ как в первом случае, а относятся к нему, как к внешнему. Понятно, что такая всеобщность есть не что иное, как само рассудочное, формально-абстрактное понятие и что она имеет все его дефекты и пороки. Ее фиксированная,⁷ формальная тождественность⁸ придает ей характер мертвости и безжизненности;⁹ ее полная оторванность от особенного¹⁰ и ее безразличная¹¹ противопоставленность единичному¹² материалу повергает ее в пустоту¹³ и превращает ее в поверхностную бессодержательность.¹⁴ Она обременена и обусловлена этим противоположением;¹⁵ многообразные явления остаются в дискретном виде,¹⁶ вне понятия,¹⁷ а само всеобщее, твердое и неизменное¹⁸ остается аналитическим единством,¹⁹ нереальной и недействительной²⁰ абстрактной всеобщностью,²¹ лишенной определений.²² Здесь

¹ Log. III. 96. 97. 98. 150. Enc. I. 338. Recht. 59. Rel. I. 54. 212. 268. Ph. G. 44; 5 Rec. 211. ² Enc. I. 128. Ср.: Phän. 572. ³ Log. III. 335. ⁴ Ср.: Recht. 59. ⁵ Ср.: Recht. 56. 280, а также ссылки в главе о формальной абстракции. ⁶ Diff. 260. ⁷ Glaub. 26. ⁸ Glaub. 97. ⁹ Ср.: Nohl. 390. Phän. 5. 152—153. 313. ¹⁰ Glaub. 97. 129. W. Beh. 413. ¹¹ Phän. 77. 86. 88. Log. I. 87. ¹² W. Beh. 350. Phän. 97. Log. III. 98. ¹³ Glaub. 116. W. Beh. 340. Phän. 77. и др. ¹⁴ Log. III. 60. Ср.: также: Phän. 41. 185. ¹⁵ Ср.: Phän. 96. 97. ¹⁶ Phän. 446. ¹⁷ Log. III. 21. ¹⁸ Log. III. 48. 49. ¹⁹ W. Beh. 350. ²⁰ Phän. 13. 108. Log. III. 78. ²¹ Log. I. 47. Log. III. 21. 22. 137. 279. ²² Log. III. 120.

родовое-всеобщее не включает в себя подчиненных видов,¹ но возносится над ними в пустоту. В самое понятие замешиваются элементы чувственной непосредственности,² и в итоге оно даже не может быть названо понятием:³ это есть „Begriff als Begriffloses“⁴ — истина чувственной достоверности,⁵ не более.

Такая всеобщность есть, очевидно, продукт формального мышления; она разделяет его познавательную полезность, его ограниченность и его общую судьбу. Философия не приемлет ее, как и первую всеобщность, и построяет свой особый, третий вид, своеобразно сочетающий в себе достоинства первых двух, но свободный от их пороков.

Спекулятивная всеобщность определяет собою природу и характер спекулятивной мысли: это есть сама спекулятивная мысль, разум, разумное познание, само спекулятивное понятие.⁶ Всеобщность есть способ „быть“, свойственный понятию;⁷ его атмосфера, которую оно всюду вносит с собой; его имманентная форма. Поэтому все, что уже известно о спекулятивном понятии, характеризует этот вид всеобщего.

Так, спекулятивная всеобщность есть нечто само себя знающее;⁸ она есть сам-себя-знающий разум.⁹ Она есть настолько же объект, предмет, данный сознанию, насколько и субъект, сознание: объект, „охватывающий“ субъекта, и субъект, „охвативший“ свой объект;¹⁰ тождество субъекта-объекта. То, что понятие мыслит, всеобщее, ибо предмет понятия есть мысль; но и само понятие как мысль всеобщее.¹¹ Понятие мыслит себя само; это значит: всеобщее обращено само на себя, но есть „рефлексия“ (от reflectere — обращать назад) на себя.¹² В этой обращенности на себя, доступной только спекулятивному-умозрению,¹³ всеобщее не „идеально“ только, подобно рассудочной отвлеченности, но реально;¹⁴ совпадает с бытием.¹⁵ То, что действительно, реально, то всеобщее,¹⁶ ибо всеобщее есть сущность действительности.¹⁷ Всеобщность есть начало субстанциальное.¹⁸ Поэтому она сама есть свое содержание, свой предмет и цель.¹⁹ Она есть живая²⁰ свободная²¹ творческая сила,²² текучая²³ и подвижная. Она сама себя в себе движет²⁴ в качестве саморазвивающегося понятия.²⁵

¹ Phän. 313.   ² Log. III. 64.   ³ Log. III. 30.   ⁴ Log. III. 47.
⁵ Phän. 76. 84.   ⁶ Ср.: Phän. 14. 15. 559. Log. I. 148. Log. III. 332. Enc. I. 66. Enc. III. 362 и др.   ⁷ Phän. 192.   ⁸ Phän. 356.   ⁹ Enc. III. 469.
¹⁰ Ср.: Enc. III. 286—287.   ¹¹ Ср.: Phän. 14.   ¹² Ср.: Phän. 209.   ¹³ Ср.: Rech. 59.
¹⁴ Ср., напр.: Phän. 27. 226. 356. Log. III. 78. Enc. III. 353 и др.   ¹⁵ Log. III. 332. 333. Phän. 292. Enc. III. 353.   ¹⁶ W. Beh. 396. Phän. 374.
¹⁷ Phän. 50.   ¹⁸ Ср. особенно: Log. III. 162. Enc. I. 340. 394
¹⁹ Rech. 56.   ²⁰ Ср.: Log. III. 41—42. 247. Enc. I. 121.   ²¹ Ср.: Log. III. 39. 42. Enc. I. 396.
²² Log. III. 39. 42. Ср. также: Enc. III. 104.   ²³ Ср.: Phän. 548.   ²⁴ Phän. 226.   ²⁵ Enc. III. 357 (Z).

Однако все эти последовательные выводы из совпадения всеобщности с мыслью получают живое и понятное содержание лишь после постановки и разрешения центрального вопроса: о сущности отношений, соединяющих всеобщее с единичным. В характере этих отношений усматривает центр тяжести и сам Гегель: при этом он считает правильное понимание их в высшей степени важным, настолько, что заблуждающемуся в этом вопросе закрыт доступ к пониманию „спекулятивного“ и к познанию истины.¹ Действительно, следует признать, что все учение о спекулятивном понятии впервые раскрывается лишь после того, как выясняется идея „всеобщего“, и что, далее, анализ этой идеи дает ключ к верному пониманию отношения Бога к миру и государства к личности.

Отношение это сводится к тому, *что единичное входит во всеобщее как его живая часть, а всеобщее входит в единичное как его живая сущность*. И то и другое в порядке спекулятивной мысли.

Спекулятивная всеобщность, включая в себя единичное, проводит этим резкую грань между собою и рассудочной всеобщностью и сближается зато, по-видимому, с эмпирической, чувственной всеобщностью; однако это сближение есть, конечно, лишь внешняя видимость. Абстрактное противопоставление подчиненного множества доминирующему единству, свойственное рассудочному понятию, снимается и упраздняется: множество не „вне“ единства, но *в самом единстве*. Понятие не вне своего „объема“; „объем“ не вне своего понятия; понятие таково, что весь „объем“ его входит в него, вступает в него и отождествляется с ним. Всеобщее подобно целому: единичное подобно его части. Однако в отличие от эмпирической, чувственной всеобщности обе стороны имеют природу мысли: „единичное“ не есть уже „единичная чувственная вещь“, а „всеобщее“ не есть уже „чувственная совокупность“, охватывающая все чувственные вещи; нет: как всеобщее, так и единичное суть *живые смыслы*, спекулятивные мысли, духовные величины, субстанциальные реальности. Один живой смысл включает в себя ряд других, подчиненных живых смыслов и сам входит в них, растворенный в них так, как растворена, например, сущность в своих явлениях.

Мыслителю, привыкшему к категориям Канта, и здесь, как раньше, больше всего объяснит идея интеллектуальной интуиции. Если, по учению Канта, „единичное“ есть предмет чувственного созерцания, а „всеобщее“ есть предмет рассудочной мысли, то у Гегеля созерцающая мысль должна неизбежно слить единичное со всеобщим. Созерцающая мысль, созерцая, имеет дело с единичным; но в качестве мышления она направлена на всеобщее.

¹ Ср.: Ph. G. 29—30.

Если мысль совпадает с созерцанием, то всеобщее должно совпасть с единичным. Далее, по Канту, единичное — начало материальной содержательности — пассивно дается человеческому познанию: всеобщее же — начало категориальной формы — активно привносится субъектом. В интуитивном рассудке, предположительно допускаемом Божественном разуме,¹ достаточно было бы одного мыслящего самосознания, ибо чрез него *eo ipso* было бы дано „все многообразное“.² Это было бы своеобразное творческое мышление, самодеятельно создающее весь многообразный материал единичных содержаний. Так дело и обстоит у Гегеля:³ спекулятивное понятие творчески создает из себя всю подчиненную сферу единичного. Чувственная единичность становится смысловой единичностью; чисто „идеальное“ всеобщее теряет свой характер дурной абстрактности и становится „реальной“ всеобщностью. Или иначе: *идеально-реальная всеобщность создает и охватывает идеально-реальную единичность*. Истина, спекулятивность, разумность состоят именно в этом „взаимопроникающем единстве всеобщего и единичного“.⁴

Вся проблема „всеобщего“ при внимательном анализе развертывается в ряд подчиненных вопросов о сущности и взаимоотношении трех элементов: „всеобщего“ (Allgemein), „особенного“ (Besonder) и „единичного“ (Einzel). При этом „особенное“ занимает посредствующее положение между всеобщим и единичным и в основном разделяет судьбу единичного по отношению ко всеобщему. Все три элемента, как уже сказано, имеют характер спекулятивной мысли со всеми ее свойствами, атрибутами и достоинствами, и отношение их, как уже ясно, имеет характер не статической неподвижности, а динамического созидания. Для того чтобы представить себе наглядно весь ряд отношений, надлежит пройти его мысленно сверху вниз — от всеобщего к единичному и снизу вверх — от единичного ко всеобщему. В этом прохождении, как его обычно излагает сам Гегель, элементы пропедевтических и педагогически-мотивированных разъяснений сплетаются с тем объективным содержанием спекулятивного процесса, которое *всюду и неизменно* воспроизводится в жизни Понятия. Это объясняется тем, что Гегель все время как бы имеет в виду тот экзотерический пункт, до которого ему надо опуститься и от которого ему необходимо повести свое изложение, для того чтобы обычное сознание не только поняло и восприняло сущность спекулятивной жизни, но увидело себя неизбежно захваченным и вовлеченным в ее объективный твор-

¹ Ср., напр.: Kant. Kritik der reinen Vernunft. Ausg. B. Erdmann S. 128. 139. 245. 260. ² Ср.: Kant. Kritik der reinen Vernunft 128. 132. ³ Ср., напр.: Lass. 468. Glaub. 42. 43. 44. 64—65. W. Beh. 413. Enc. I. 117. 396. ⁴ Ср.: Recht. 313. Ph. G. 29—30.

ческий поток. Обычное сознание, противящееся спекулятивному прозрению и стремящееся удержаться на привычном для него уровне, настаивает, во-первых, на абстрактной пустоте своих понятий, во-вторых, на своей субъективной и самодовлеющей отъединенности: это значит, что оно держится за дурную рас-судочную всеобщность понятия и за свою конкретную эмпириче-скую единичность; оно отрывает всеобщность от единичности и не соединяет их, потому что не видит их истинного и реального соотношения. Понятно, что его сопротивление бессильно изменить что-нибудь в истинном, т. е. спекулятивном, соотношении и положении дел; отношение всеобщего к особенному и единичному и, обратно, единичного к особенному и всеобщему не может зависеть от произвола и усмотрения того или иного субъективного сознания; заблуждение, в котором оно пребывает, и ложная точка зрения, на которой оно настаивает, не могут изъять „единичность“ из жизни „всеобщности“ или перевернуть божественный порядок мира. Истина не перестает быть истиной оттого, что кто-нибудь утверждает нечто, ей противоречащее; абсолютная реальность не меняется оттого, что кто-нибудь, заблуждаясь, исповедует ложное. Однако задача философа, познавшего истину, состоит в том, чтобы привести уклоняющихся к признанию ее. И вот, если изобразить экзотерически спекулятивное тождество „всеобщности“ и „единичности“, то начало пути каждый раз будет представлять из себя как бы некое „обращение Савла“, после которого начинает разворачиваться истинное соотношение элементов.

Путь от всеобщего к единичному есть путь от менее определен-ного к более определенному; от менее содержательного к более содержательному; от более простого к более сложному; от более однообразного к более многообразному; от свернутого, потенциаль-ного единства к развернутому, актуальному единству во множестве.

Известно уже, что всеобщее, оторванное от особенного и единичного, есть неопределенная, бессодержательная абстракция, пустая всеобщность,¹ которой противостоит живая „особен-ность“.² Мертвая „абстракция“ и живая „конкретность“ безна-дежно оторваны друг от друга, и всеобщее остается „лишенным жизни, духа, красок и содержания“.³ Абстракция, „пренебрегая“ единичным и не спускаясь к нему, отворачивается от той „глубины“, в которой понятие может обрести себя⁴ и оказывается бессильным постигнуть сущность жизни, духа, Бога и спеку-лятивного понятия.⁵ Всеобщность становится все более поверх-ностной и бессодержательной.⁶

¹ Кроме вышеприведенных ссылок ср., напр.: Glaub. 116. ² Ibidem.
³ Log. III. 61. ⁴ Ср.: Log. III. 60. ⁵ Ср.: Log. III. 61. ⁶ Ср.: Log. III. 60.

В этом плачевном состоянии всеобщее не может оставаться. Оно как бы опоминается и решает (*entschliesst sich*)¹ приступить к самоопределению. Естественно, что на этом пути первым актом его является отрицание своего скудного и мертвенного содержания; оно относится к себе негативно, отрицает себя. С этого момента наступает конец формальному мышлению с его рассудочной ограниченностью: понятие обращено само на себя; в нем открылась спекулятивная самостоятельность и объективность; оно вступило на путь самодеятельности. Истинная всеобщность есть „творческая сила в качестве абсолютной негативности, которая относится к себе самой“.² Эта негативность *имманентна* всеобщему.³ Понятие, прославленное своей формальной тождественностью, подвергает себя спекулятивному самоотрицанию, и акт этот *входит в самую сущность всеобщего*.⁴

Самоотрицание всеобщего разделяет его на „А“ и „не-А“: понятие *делит* себя.⁵ Возникает то состояние понятия, которое Гегель обозначает словом „Urtheil“ (собств. „суждение“): „первораздел“ (*Urtheil*).⁶ Всеобщее разделено на самостоятельные моменты,⁷ не тождественные друг с другом;⁸ „нейтральное“ оказывается „расторженным на дифферентные крайности“,⁹ но так, что противоположные стороны, созданные понятием в нем самом, остаются в его пределах: понятие разворачивается в суждение, в „первораздел“, содержащий „тотальность“ своих определений.¹⁰ Всеобщее, оставаясь собою, разбивается на противоположные определения, подобно тому, как в Наукоучении Фихте Старшего „Абсолютное Я“ разделилось в себе на враждебные стороны „малого субъекта“ (человека) и „природы“. Спекулятивная мысль, этот субъект, творящий себя как объекта, получает форму *всеобщности, которая, сама себя различая*,¹¹ *остается единством различных сторон*.¹²

Именно благодаря этому, т. е. благодаря единству различенного, всеобщее оказывается вступившим на путь *самоопределения*.¹³ Первоначальная простота всеобщего, этого первого момента в понятии,¹⁴ сменяется в первом же спекулятивном акте его осложнением и увеличением содержания; при этом содержание не только увеличивается, но дифференцируется и потому становится более определенным. Понятие как бы углубляется,

¹ Rel. I. 183.   ² Log. III. 42.   ³ Recht. 41.   ⁴ Ср., напр.: Log. III. 37. 107, а также Log. II. 242. Log. III. 12. 39. Phän. 308.   ⁵ Rel. I. 183.
⁶ О таком понимании *Urtheil*, в смысле „*ursprüngliche Theilung*“, „*Diremption*“, „*Entzweien*“, вообще „дифференциации“ см.: Log. III. 68. Enc. I. 326. 374. Enc. II. 641. Enc. III. 355. 440. 469.   ⁷ Log. III. 34. 34.   ⁸ Enc. I. 326.   ⁹ Ср.: Enc. I. 374.   ¹⁰ Ср.: Log. III. 65. 67.   ¹¹ Log. III. 42. 44. 107. 120. Enc. III. 25 (Z).   ¹² Ср.: Log. III. 335.   ¹³ Ср.: Log. III. 333. 334. Enc. III. 71.
¹⁴ Ср.: Log. III. 298.

уходит в себя,¹ развертывает свое содержание, потенциально замершее на абстрактной высоте. В этом творческом самонаполнении оно не выходит из себя, ниоткуда извне ничего не получает:² различие производится всеобщим в нем самом³ и определяется „всецело только им самим“.⁴

Первая же негация придает всеобщему некую определенность: всеобщее становится „определенным всеобщим“, или, что то же, „особенным“.⁵ „Особенность“ (die Besonderheit) есть не что иное, как „определенная всеобщность“.⁶ Иными словами, этот переход есть переход в пределах самой всеобщности от менее определенного состояния к более определенному состоянию.⁷

Отсюда уже выясняется ряд существенных черт. Если условиться, что всеобщее есть „родовое понятие“, а особенное есть „видовое понятие“, то неизбежно окажется, что видовое есть модификация родового, отличающаяся большей определенностью. Такое представление не чуждо и формальной логике, которая учит, что видовое понятие имеет все признаки родового плюс еще один или более специальных (om species) признаков. Точно так же наличность или присутствие „всеобщего“ в „особенном“, т. е. всех родовых признаков в содержании видового понятия, окажется приемлемым и для формально логического мыслителя: содержание понятия А окажется налицо во всех подчиненных ему видах — АВ, АС, АД и т. д.; содержание понятия АВ будет также фигурировать во всех элементах своего объема — АВ_a, АВ_b, АВ_c и т. п. Напротив, учение о том, что „особенное“ содержится во „всеобщем“, что оно создается последним, и что всеобщее не только мыслится в особенном, но реально составляет его внутреннюю субстанциальную сущность, — будет совершенно несвойственным формальной логике. А между тем Гегель определяет исследуемое отношение именно так. Всеобщее разложилось именно в своих пределах; поэтому особенное возникло в нем и остается в нем⁸ как его атрибут. Всеобщее и особенное не нуждаются в том, чтобы только еще подходить друг к другу⁹ как внешнее к внешнему;¹⁰ особенное не есть нечто независимое,¹¹ подводимое¹² под родовую всеобщность; все эти представления формальны и ложны. Интуитивная мысль не исключает особенного,¹³ но сама как объективная всеобщность творит его из себя, или, если угодно, полагает себя в него: всеобщее придает себе определенность, свойственную особенно-

¹ Ср., напр.: Log. III. 115.   ² Ср.: Log. III. 40.   ³ Log. III. 42. 120.
⁴ Log. III. 44.   ⁵ Ср.: Log. III. 40. 43. 60.   ⁶ Log. III. 60.   ⁷ Ср.: Log. III. 66. 87.
⁸ Log. I. 7. Log. III. 311. 328. Enc. III. 388. Recht. 40.   ⁹ „Nur erst hinzutreten, hinzukommen“: Glaub. 97. Rel. I. 183.   ¹⁰ Ср.: Glaub. 97. 97. 116; также: W. Beh. 414. Log. III. 40. Enc. I. 14.   ¹¹ W. Beh. 323.   ¹² Log. I. 47.   ¹³ Glaub. 64—65. Recht. 325.

му;¹ или иначе: особенное развивается из всеобщего² в направлении к большей определенности. При этом особенное, оставаясь в пределах всеобщего, не есть только „логически“ подчиненный ему член его „объема“: это было бы отношением формального подведения, субсумирования одного абстрактного понятия под другое. Особенное входит не только в объем, но и в содержание всеобщего, ибо само есть член его содержания: *содержание всеобщего есть содержание всех особенных понятий, созданных им в себе*. Особенное есть, так сказать, кость от кости и кровь от крови всеобщего; однако, оставаясь в его составе, оно подобно не отъединившемуся детищу, но ветви, имеющей жизнь только в связи с единым деревом. Вот почему Гегель разъясняет, что большую обширность, больший объем (*weiterer Umfang*) всеобщего отнюдь не следует понимать лишь в смысле большей количественной распространенности его;³ нет, это различие между всеобщим и особенным есть столь же *качественное*, сколь и *количественное*;⁴ учение формальной логики о том, что содержание понятия тем меньше, чем больше его объем, отвергается принципиально и окончательно: *бóльшему объему соответствует необходимо и бóльшее содержание*, ибо последнее включает в себя содержание всех подчиненных видовых понятий. „Особенное“ не имеет своего отдельного достояния, которое принадлежало бы ему и только ему; все содержательное богатство его принадлежит как таковое тому всеобщему, из недр которого оно было выращено. Поэтому, чем более развита внутренняя жизнь всеобщего, чем дифференцированнее его содержание, чем больше особенных и единичных понятий оно создало в себе, тем обширнее его объем, но тем богаче *eo ipso* и его собственное содержание: ибо вся „логическая“ спецификация его остается в его пределах. *Особенное входит во всеобщее как его живая часть*.

Естественно, что при таком порядке вещей всеобщее оказывается „целым“, составленным из элементов своего объема: „всеобщее“, говорит Гегель, „есть тотальность своих обособлений“.⁵

Отсюда уже ясно, что „особенное“ есть начало определенного различия: „*das Unterschiedene, oder die Bestimmtheit*“.⁶ Ему свойственно иметь в себе содержательную определенность и отличаться от других особенных понятий.⁷ Обособление (*Besonderung*) или дифференциация⁸ ведет к созданию множества разнообразных⁹ и односторонних¹⁰ видовых понятий; они стоят друг к другу во внешнем отношении,¹¹ но суть одинаково лишь

¹ Ср.: *Enc.* III. 357 (Z).   ² *Log.* III. 40.   ³ *Log.* III. 58.   ⁴ *Log.* III. 58.
⁵ Ср.: *Log.* III. 109. 167. *Recht.* 108. 112.   ⁶ *Enc.* I. 323; ср. также: *Log.* III. 56. 254. 255.   ⁷ Ср.: *Log.* III. 36.   ⁸ *Enc.* I. 374.   ⁹ Ср.: *Recht.* 127.   ¹⁰ Ср.: *Enc.* I. 383.   ¹¹ Ср.: *Enc.* I. 142. *Log.* III. 36. 43.

моменты единого понятия.¹ Они принадлежат к единой всеобщности,² входят в нее; „представляют“ ее³ каждая своим специфическим определением и, отличаясь друг от друга, не отличны от нее.⁴

Эта „не отличенность“ особенного от всеобщего объясняется не только тем, что первое входит в живую ткань второго; но еще и тем, что второе составляет живую сущность первого. Опустившись в состояние специфической определенности, всеобщее отнюдь не меняется, но сохраняет себя (erhält sich)⁵ и остается тождественным,⁶ неомраченным и равным себе.⁷ Родовое понятие сохраняется неизменным в своих видах;⁸ оно только как бы населяется различиями, которые само из себя создает.⁹ Всеобщее входит в особенное как его сущность;¹⁰ особенное со своей стороны, содержит его в себе (enthält)¹¹ и находит в нем свою субстанцию.¹² В результате этого взаимопроникновения между „всеобщим“ и „особенным“, т. е. между родовым целым и его видами-частями, обнаруживается единство,¹³ более того — тождество.¹⁴ Это отношение есть отношение абсолютного тождества;¹⁵ „всеобщность“ сама по себе есть непосредственно как таковая „особенность“ и знает себя как таковую (an und für sich selbst);¹⁶ „особенное“, со своей стороны, есть само „всеобщее“.¹⁷

Это отношение Гегель сам выражает иногда так, что всеобщее „проникает“, „пропитывает“ (durchdringt) свои видовые части.¹⁸ Термин этот должен быть принят отнюдь не в переносном или образном смысле. *Субстанция проникает в свои атрибуты, пропитывает их и представляет из себя их целокупность*¹⁹ — это представление не раз встречается у Гегеля и выражает его концепцию вполне точно. Отношение между всеобщим и его видами есть отношение *реального взаимопроникновения* или, по выражению Гегеля, *тождества*. Это тождество следует опять-таки понимать не формально-логически, но спекулятивно-реалистически, в смысле *существенного совпадения двух реальных величин*. Всеобщее, творчески создавая в себе через самоотрицание новое содержание, само, не меняясь, растворяется в нем; охватывает и включает его подобно тому, как дерево включает все свои ответвления; составляет субстанциальную сущность своих видов подобно тому, как реальное качество общей древесности составляет единую живую ткань своих ответвлений.

¹ Ср.: Enc. I. 325.   ² Log. III. 43.   ³ Ср.: Log. III. 43.   ⁴ Ср.: Log. III. 43.
⁵ Log. III. 349.   ⁶ Enc. I. 323.   ⁷ Enc. I. 320.   ⁸ См.: Log. III. 43.
⁹ Ср.: Log. III. 43.   ¹⁰ Log. III. 46.   ¹¹ Log. III. 43.
¹² Log. III. 43.   ¹³ Glaub. 43. Recht. 325. 346.   ¹⁴ Skept. 109. Glaub. 44.
¹⁵ W. Beh. 400. 413.   ¹⁶ Glaub. 97.   ¹⁷ Log. III. 51.
¹⁸ Log. III. 43.   ¹⁹ Ср., напр.: Log. III. 181.   ¹⁹ Ср., напр.: Recht. 108.

В логике Гегеля строй понятий совмещает черты созерцательно-реальных отношений с чертами мыслительно-формальными: первые получают значение вторых, вторые истолковываются и строятся по способу первых.

Однако движение всеобщего не останавливается на создании особенного, но продолжается далее и нисходит к единичному. В общем это нисхождение носит те же черты и приводит к аналогичным результатам; но не без осложнений.

В создании особенного обнаружилось, что всеобщее есть его сущность; но сущность самого всеобщего состоит, как уже выяснилось, в том, чтобы быть обращенным на себя в творческой негативности. Отсюда необходимость новой „рефлексии“ и дальнейшей „второй“ негации.¹ Особенное, имея в себе всеобщность, или, что то же, всеобщее в состоянии особенности, вновь обращается на себя² и совершает новое разъединение и определение. То, что было раз уже определено, определяется вновь; создается спецификация „специального“ (от species), возникает „определенная определенность“, т. е. единичность.³ Нисходя на эту новую ступень в своем самотворчестве, понятие естественно получает бремя новых определений; образуется нижний ряд уже специфически определенных видовых смыслов: *единичных понятий*.

Единичное как последняя, низшая ступень в самоспецификации понятия, является *противоположностью*⁴ для соседних *едикичных образований* и *основой*⁵ для высших ступеней. Единичное есть начало индивидуальности,⁶ отъединения, противопоставления себя другому. Если дифференциация обнаруживалась уже в пределах особенного, то в сфере единичного она является необходимым условием бытия. Сфера единичного представляется множеством содержательно определенных смысловых фигураций, отдельных, не совпадающих между собой, стоящих друг *против* друга. Вступая в эту область, в царство единичного, предмет сам в себе как бы разбредается (*auseinander gehen*)⁷ на множество самостоятельных *с виду* образований, сохраняющих, впрочем, *по существу* свою спекулятивную природу и соответственно свою связь между собою и с высшими ступенями ряда. Понятие ведет здесь жизнь многообразно раздельную; оно имеет множественную форму, и в этом разброде есть как бы „утрата себя самого“.⁸ Каждый единичный смысл имеет свою определенность; он по-новому, своеобразно модифицирует и представляет развивающуюся сущность всеобщего. Единичность бо-

¹ Ср.: Log. III. 40.   ² Ср.: Enc. I. 320.
Log. III. 56.   ⁵ Ср.: Log. III. 56. Enc. I. 323.

³ Ср.: Log. III. 60.   ⁴ Ср.:
⁶ Log. III. 61.   ⁷ Log. III.

304.   ⁸ Ср.: Log. III. 51. 63.

гата определениями: она полна живого красочного содержания,¹ своеобразно сочетающегося в ней в единичную смысловую конкретность.²

Такова единичность сама по себе и в своем видимом отношении к другим единичностям. Однако ее истинную внутреннюю сущность открывает только ее сокровенная связь, во-первых, с высшими ступенями особенного и всеобщего, а во-вторых, с соседними единичными образованиями.

Единичное относится к особенному так, как особенное ко всеобщему. В сущности говоря, этим все сказано. Особенное есть по отношению к единичному „неопределенная определенность“, или „всеобщая определенность“;³ формальный логик предложил бы здесь термин „ближайшего родового понятия“. Поэтому между особенным и единичным обнаруживаются те отношения, которые связывают спекулятивный род со спекулятивным видом. Негативной рефлексией на себя особенное отрицает себя, разлагается и опускается в состояние единичного. Оказывается, что одна наличность особенного полагает уже бытие единичного⁴ и что „особенность“ есть „столь же непосредственно сама по себе и для себя“ „единичность“, сколь непосредственно всеобщность была особенностью.⁵ В особенном всеобщее и единичное находят своего посредника⁶ и через него они вступают в контакт и соединение.⁷ С другой стороны, единичное оказывается воспринявшим в себя и содержащим в себе⁸ обе высшие формации: оно представляет ту *основу* (Grund,⁹ Grundlage¹⁰), в которую углубились род и вид, которая приобщилась через них сущности и сама стала в результате этого субстанциальной.¹¹ Всеобщее и особенное суть моменты или этапы в процессе образования единичного;¹² достижение последнего означает, что понятие развернуло свою жизнь в стройные кадры определенных, содержательных, конкретных и многообразных смысловых единичностей.

Естественно, однако, что эти кадры единичных смыслов связаны с особенным и всеобщим, как с своей подлинной сущностью. Спускаясь в состояние единичности, всеобщее и особенное отнюдь не переходят во что-то другое, но полагают лишь то, что они *суть сами по себе и для себя*.¹³ Единичное, с одной стороны, остается в пределах особенного и, шире говоря, всеобщего: последнее, сохраняя свою природу в неизменном и тождественном виде, содержит в себе сферы особенного и единичного.¹⁴ С другой стороны, единичное получает свои основные и существенные

¹ Ср.: Log. III. 61.   ² Ср.: Log. III. 63. 40.   ³ Ср.: Log. III. 87.
⁴ Ср.: Log. III. 60.   ⁵ Ср.: Log. III. 51.   ⁶ Ср.: Log. III. 87—88.   ⁷ Ср.: Log. III. 81.
⁸ Enc. I. 324.   ⁹ Log. III. 56.   Enc. I. 323.   ¹⁰ Enc. I. 324.
¹¹ Enc. I. 324.   ¹² Log. III. 60.   ¹³ Ср.: Log. III. 60.   ¹⁴ Ср.: Enc. I. 323.

свойства от присутствия в нем всеобщего, начала субстанциальности.¹ Вновь обнаруживается взаимопроникновение сфер:² *всеобщее и единичное* проникаются взаимно друг другом через посредствующую инстанцию *особенного*. *Единичное есть живая часть всеобщего; всеобщее есть живая внутренняя сущность единичного*. Обычное учение о том, что всеобщее „присуще“ (inhärit) единичному, получает углубленное истолкование в смысле „реального, внутреннего присутствия“ в чем-либо. Раз всеобщее стоит к единичному в отношении „Inhärenz“, то единичное само есть всеобщее.³ Точно так же обычное учение о том, что единичное подчинено (subsumirt) всеобщему, получает новое истолкование в смысле „вхождения в состав“ чего-либо. Раз всеобщее стоит к единичному в отношении „Subsumtion“, то оно включает его в себя, становится им, само есть единичное.⁴ Все единичности входят в объем всеобщего, но не в „формально-логический“ объем, а в спекулятивно-реальный. Все определения единичных смыслов суть определения самого, охватывающего и включающего их, всеобщего. Единичное проникнуто всеобщим, а всеобщее проникнуто единичным: так ветки и листья составляют дерево и сами получают от него свои живые существенные соки.

И вот обнаруживается, что традиционная противоположность между всеобщим и единичным есть нечто кажущееся.⁵ Истина в том, что обе стороны соединяются,⁶ к сущность разумности состоит во взаимопроникающем единстве единичного и всеобщего.⁷ Здесь налицо настоящее совпадение, непосредственное спекулятивное тождество.⁸ „Единичное“ как совокупность смысловых единичностей представляет из себя целокупность, тотальность понятия,⁹ весь объем его содержания, т. е. самое всеобщность; и наоборот. Понять и выговорить всеобщее значит eo ipso понять и выговорить единичное; и обратно.¹⁰ Истинное спекулятивное всеобщее есть непосредственно тем самым особенностью и единичностью:¹¹ оно пропитывает особенность и в ней, и вместе с ней оказывается единичностью.¹² Поэтому, если можно принять, что всеобщее характеризуется как тождество, особенное — как различие, а единичное — как противоположность и основа,¹³ то лишь с тем существенным добавлением, что особенное и единичное содержатся во всеобщем,¹⁴ т. е. что *тождество*

¹ Ср. напр.: *Enc.* II. 640. 641.   ² Ср.: *Phän.* 310. *Recht.* 313.   ³ *Log.* III. 144.   ⁴ *Log.* III. 144; к этому ср.: *Enc.* III. 410. 412, где резко осуждается обычное формально-логическое понимание субсумирования   ⁵ *Log.* III. 12—13; ср. также: *Phän.* 110.   ⁶ Ср.: *Ph.* G. 29—30.   ⁷ Ср.: *Enc.* II. 640. 641. *Recht.* 313.   ⁸ Ср.: *Log.* III. 12. 155 и др.   ⁹ Ср.: *Log.* III. 12. *Enc.* I. 320.   ¹⁰ *Log.* III. 12—13.   ¹¹ *Log.* III. 42.   ¹² *Log.* III. 181.   ¹³ *Log.* III. 56. *Enc.* I. 323.   ¹⁴ *Enc.* I. 323.

содержит в себе различие и противоположность, или иными словами, что тождество есть живая сущность различия и противоположности: так, диалектика есть подлинный modus vivendi спекулятивной мысли, связывающий воедино все множество единичных образований.

Вследствие такого тождества, именно благодаря тому, что всеобщность составляет сущность каждой единичности, последняя получает ее основные свойства и черты. Не говоря уже о том, что единичность живет всегда в элементе мысли и сама есть мысль; всеобщее сообщает ей способность к саморефлексии, самоотрицанию и самодеятельности. Единичность есть, согласно этому, не что иное, как негативное единство, вступающее в отношение с самим собой;¹ она возвращается к себе, отрицает себя² и через это получает способность к обновлению и воспроизведению (Reproduktion)³ своего содержания и своих определений. Единичность есть поэтому начало творческое, самодеятельное, действующее в себе и на себя самоё.⁴ Эта самодеятельность, берущая свое начало в самоотрицании и движущаяся к обогащению себя новыми определениями, есть принцип и сущность всяческой жизни. Вот почему Гегель говорит, что все живое есть тождество всеобщего и особенного,⁵ подразумевая включенность единичности в особенность; „жизнь“, так выражает он эту мысль иначе, „есть абсолютная всеобщность“,⁶ т. е. всеобщность, слившаяся с единичностью, очистившаяся от противопоставления ей,⁷ и т. д.

Нетрудно понять, что представляет из себя эта низшая ступень Понятия, именуемая „единичным“. Это есть *индивидуально определенный фрагмент* (или, как впоследствии выяснится, „*орган*“) *единой смысловой субстанции*. Каждое епс, имеющее внутреннюю содержательную определенность, есть единичность, состоящая „качественно“ из атрибутов субстанции и включенная „количественно“ в ее всеобъемлющий состав. Отсюда само собой вытекает, что никакой единичности, оторванной от всеобщности, не существует в мире, точно так же, как не существует и всеобщности, оторванной от единичности; эти абстрактные формации обретаются только среди иллюзий эмпирически ограниченного и упорствующего сознания. Но, так как в спекулятивном, т. е. единственно-реальном и абсолютно-реальном мире, *все движется к максимальной содержательной определенности*, то процесс, совершаемый понятием от всеобщего к единичному, есть прототип всякого спекулятивного движения. Состояние „спекулятивной единичности“ есть всегда высшее состояние Понятия.

¹ Ср.: Log. III. 51. 60. 123. 165.
254. 255.

⁴ Enc. I. 320.

² Ср.: Log. III. 14. 88.

⁵ Ср.: W. Beh. 414. 415. 419. 420.

³ Ср.: Log. III.

⁶ Ср.:

Log. III. 247.

⁷ Ср.: Phän. 110.

При этом его следует представлять себе для полноты картины не только как одну отдельную единичность, как один определенный фрагмент субстанции, включенный в нее и включающий ее в себя, но как целое множество, целую систему индивидуально определенных единичностей, *рассудочно* фиксируемых в виде „отдельных фрагментов реальности“, но *по существу* стоящих в спекулятивной сращенности со всеобщим. При таком понимании учение о всеобщем действительно разъясняет отношение Бога к его модусам и государства к личности. Ибо Бог есть Всеобщее, а фрагменты мира единичны; и государство есть Всеобщее, а человеческая личность единична. Спекулятивная наука, обнаруживая тождество всеобщего и единичного, раскрывает сущность космического и, в частности, социально-политического обстоятельства.

Все это станет еще яснее и нагляднее, если пройти мысленно тот же путь в обратном направлении: от единичного ко всеобщему. Если путь вниз начинался с абстрактной всеобщности, оторванной от особенного и единичного, и вел к ее самопогружению в содержание, к сращению ее с единичностью, то путь вверх начинается с абстрактной единичности, оторванной от особенного и всеобщего, и ведет к ее самоподъятию и включению в высшие сферы, к сращению ее со всеобщностью.

Единичность сама по себе, в качестве начала отъединения, спецификации и противоположения, есть нечто, тяготеющее не только к обособлению от других единичностей, но и к противопоставлению себя высшим ступеням понятия. В отрыве от особенного и всеобщего, уединенная и замкнутая, единичность оказывается чем-то „ограниченным“, ¹ лишенным живых связей, какой-то „недействительной и бессильной самостью“ (Selbst).² Взятая сама по себе, она есть часть,³ не признающая себя частью; продукт,⁴ не желающий знать о своей созданности; она подобна бродяге, не помнящему родства, и думает в этом виде предпринять самоутверждение. Однако именно в этом состоянии она искажает свою истинную сущность и „не соответствует своему понятию“; такое несоответствие, такая ограниченность ее бытия делает ее *конечной* и ведет ее к гибели.⁵ Единичность, утверждающая свою независимость от всеобщего, есть принцип произвола и зла.⁶ Все обилие ее определений не может ее спасти, ибо оторванность от субстанциальной жизни лишает ее внутреннего средоточия и закономерности в саморазвитии. Ей грозит, подобно эмпирической вещи, тщета и распыление.

В таком состоянии самообольщенного ничтожества единичность не может оставаться: она должна обратиться на себя с

¹ Ср., напр.: Nohl. 293.   ² Ср.: Phän. 363.   ³ Ср.: Glaub. 17. W. Beh. 330. 341. 381. 385.   ⁴ Enc. I. 374.   ⁵ Ср.: Enc. I. 385.   ⁶ Ср.: Recht. 184. 185.

глубоким неудовлетворением, отринуть себя и возродиться из этой негации к субстанциальной жизни. Самоотрицание ведет ее к разделению ее конкретной ¹ природы на составные элементы и к подведению их под особенные, видовые понятия; однако в этих „суждениях“, открывающих, что „единичное“ есть „особенное“, ² совершается не простое подведение (Subsumtion), но своеобразное *расширение* („Erweiterung“) ³ единичного до особенного. Единичное, превратившееся через самонегацию в живую спекулятивно-смысловую величину, убеждается, что его определения не суть проявления его специфической, своеобразной ограниченности, но фрагменты более широких смысловых реальностей; каждое определение его предстает для него в живой связи, в непосредственном единстве с качественно тождественным, но более обширным смысловым образованием — „особенным“; единичное открывает особенное в себе и находит себя в особенном. Особенное *пронизывает* его так, как существенная ткань проникает свой единичный фрагмент; особенное в то же время *включает* его и наряду с ним еще другие многие модификации той же природы. Единичность убеждается, что *она есть особенное*, что она образует вместе с другими подобными ей единичностями обширное поле „единичного“, составляющего все „содержание“ и весь „реальный объем“ особенного. *Единичное входит в особенное как его живая часть; особенное входит в единичное как его живая сущность.*

Это движение самоотрицания и подъема ⁴ есть по существу восхождение единичного к Духу, ⁵ процесс его одухотворения. ⁶ Раз начавшись, он увлекает единичное далее и возводит его ко всеобщему, к осознанию своей связи, своего единства, своего *тождества* с ним. Этот путь есть для единичности путь отречения (Entsagung) и самопожертвования (Aufopferung); ⁷ в качестве оторванного, неподвижного, „прочного“ ⁸ начала, она перестает существовать и в этой смерти своей находит свою сущность, становится своим понятием, сливается и отождествляется со всеобщим. ⁹ Единичность убеждается в том, что всеобщность есть ее истина ¹⁰ и что она сама в своей жизни и в исполнении своего дела бессознательно осуществляла некоторое всеобщее дело. ¹¹ В этом самопознании единичность признаёт, что она как особая смысловая фигурация входит в объем всеобщего, и что содержание ее, вся совокупность ее определений есть фрагмент основного и единого, субстанциального содержания всеобщности; иными сло-

¹ Ср., напр.: Log. III. 63. „Concretes, Inhalt, Einzelnes“. ² Ср., напр.: Log. III. 87. 89. ³ Log. III. 89. ⁴ Ср.: Log. III. 75. ⁵ Log. III. 270. ⁶ Enc. III. 132. (Z). ⁷ Phän. 390. 397. ⁸ W. Beh. 384. ⁹ Ср.: W. Beh. 370. ¹⁰ Ср.: Recht. 161. ¹¹ Ср.: Phän. 266.

вами, что *единичное входит во всеобщее как его живая часть; а всеобщее входит в единичное как его живая сущность.*

В таком тождественном слиянии со всеобщим все единичное как нечто самостоятельное и независимое перестает существовать: оно без остатка вообралось в субстанцию всеобщего; оно „разрешается“ (auflösen)¹ последним в его жизненном процессе. Всеобщее „подъемлет“ (aufheben)² всякую единичность, что по терминологии Гегеля, означает: „отрицает ее в ее мнимой самостоятельности, но сохраняет ее в меру ее истинности, включая в высшее соединение“. Это отношение подъятия, совпадающее с отношением „истины“, возможно здесь именно потому, что всеобщность есть объективная сущность всего единичного, всякого индивидуального образования,³ сущность, по отношению к которой невозможно никакое сопротивление.⁴

Это отношение можно выразить еще так, что единичность, подъятая во Всеобщее, получает способности Всеобщего, а Всеобщность, спустившаяся к единичному, получает черты единичного. Единичность пронизана мыслью, сама есть спекулятивная мысль; она живет самоотрицанием;⁵ она причастна абстрактности;⁶ она есть нечто, внутренне субстанциальное. Всеобщность наполнена содержанием, сама есть *все* возможное содержание; она есть живая, конкретная⁷ Всеобщность, или живая, всеобъемлющая субстанция. Единичное, растворяясь во Всеобщем, впитывает в себя и усваивает себе *даже* все его содержание; но такое высшее слияние доступно, впрочем, только йнтеллигенции⁸ или человеческому разуму. Всеобщее, со своей стороны, включает в себя даже тяготение единичности к одинокому, исключительному самоутверждению; такое самоутверждение доступно, конечно, только высшей спекулятивной Всеобщности, которая совпадает с Субстанцией.

Так слагается строй отношений между Всеобщим, особенным и единичным. Всеобщее есть „свободное равенство с самим собою в своей определенности“;⁹ особенное есть „определенность, в которой Всеобщее остается неомраченным, равным самому себе“;¹⁰ единичное есть „рефлексия определенностей Всеобщего и особенного в себе, негативное единство с собою, определенное само по себе и для себя и в то же время тождественное с собою или Всеобщее“.¹¹ Все эти три ступени вместе образуют единое целое, объятые или „поятые“ воедино, т. е. Понятие.¹² Но, строго говоря,

¹ Ср.: Phän. 548. Log. III. 99. Ср. к этому: Rel. I. 268. ² Ср.: Phän. 390. Recht. 59. ³ Ср.: Glaub. 7. Phän 136. 229. Log. III. 187. ⁴ Ср.: Log. III. 187. ⁵ Ср., напр.: Log. III. 14. 51. ⁶ Ср. не совсем удачную формулу об абстракции как „душе единичности“: Log. III. 63. ⁷ Ср., напр.: Log. III. 63. Епс. I. 374. ⁸ Ср.: W. Beh. 394. ⁹ Епс. I. 320. ¹⁰ Епс. I. 320. ¹¹ Епс. I. 320. ¹² Епс. I. 320.

с эзотерической точки зрения, никаких особых самостоятельных ступеней *нет*: единичное проникнуто Всеобщим и включено в него; Всеобщее охватывает единичное и составляет его внутреннюю субстанциальную природу. В таком непосредственном тождестве они и представляют из себя единое „понятие“, или „род“ (*Gattung*),¹ т. е. само Понятие.

„Род“ не совпадает, конечно, с обычным „родовым понятием“: он „содержит в своей субстанциальной зрелости все единичные определения в разрешенном виде“.² Он есть „всеобщность видов“,³ их „имманентное и конкретное единство“;⁴ он представляет из себя такую Всеобщность, которая наполнена содержанием всех различных крайностей.⁵ Род есть „конкретная всеобщность“.⁶

Далее, он не есть ирреальный продукт субъективной мысли, но реальная, *объективно сущая* величина. Эта реальная всеобщность есть *сущность* всякой действительности;⁷ она объективна и существенна как в душевном, так и в телесном;⁸ она есть внутренняя природа вещи, сущая сама по себе и для себя,⁹ она есть „проникающая имманентная сущность объектов“.¹⁰ Род есть „объективная всеобщность“.¹¹

Наконец, эта Всеобщность в качестве самой спекулятивной мысли, с которой она совпадает, есть сама абсолютная реальность, или, что то же, единая субстанция. Род есть „субстанциальная всеобщность“.¹²

Понятно, что род, или, что то же, спекулятивная Всеобщность, получает форму *целого*, „тотальности“.¹³ Все „особенное“ и все „единичное“ включено в него; он состоит как бы из „частичных“ смыслов, составляя их. Род есть конкретная, объективная, субстанциальная тотальность, в высшей степени богатая определениями;¹⁴ он включает в себя *все* реальное; и ничто не может избегнуть¹⁵ этой включенности. Спекулятивная Всеобщность есть нечто вездесущее¹⁶ и всеохватывающее. Род есть некий всеобъемлющий „пан“; вне его нет ничего. Именно поэтому Всеобщее

¹ Ср.: Log. III. 149. 155. Иногда Гегель в ущерб единству и устойчивости терминологии понимает под „*Gattung*“ всеобщность, не впитавшую в себя подчиненную сферу; это может сильно затруднить читателя. Напр.: Enc. I. 341.
² Log. III. 99; ср.: Log. III. 167.   ³ Log. III. 106; ср.: Log. III. 162. Enc. I. 394.
⁴ Log. III. 106.   ⁵ Ср.: Log. III. 160.   ⁶ Log. III. 105. Enc. I. 340. Enc. II. 639. Enc. III. 334 (Z.); ср. еще: Log. I. 7. Log. III. 40. 78. 99. 107. 108. 114. Enc. I. 66. 117. 118. 126. 374. Enc. III. 71 (Z.). 427. Recht. 41. 43. 59. 64. 5 Rec. 213.   ⁷ Ср.: Phän. 50.   ⁸ Ср.: Log. III. 187.   ⁹ Ср.: Log. III. 100. 160.   ¹⁰ Log. III. 195; ср. 202. Phän. 136.   ¹¹ Log. III. 99. 155. 156. 159. 160.   ¹² Log. III. 106. 162. Enc. I. 394; ср.: Log. III. 167. Enc. I. 340. Enc. II. 640. 641. Recht 59.   ¹³ Ср., напр.: Log. III. 40. 44. 49. 109. 166. 167. 334. Enc. I. 341. 342. 360. Recht. 108. 112. 5 Rec. 213.   ¹⁴ Ср.: Log. III. 334. Log. III. 37.   ¹⁵ Ср.: Enc. I. 36.   ¹⁶ „*allgegenwärtig*“: Phän. 126; Enc. II. 153. 269. Enc. III. 52.

бесконечно истинной бесконечностью; не имея ничего вне себя, оно *ничем не ограничено*; то, что ограничено и конечно, то не всеобщее.¹ В спекулятивной Всеобщности „снято всякое ограничение“;² все что *есть*, есть в ней. Поэтому она может *свободно самоопределяться*,³ развиваясь изнутри и развертывая свое богатство.⁴ Всеобщность в этом внутреннем, центростремительном творчестве своем есть *сама бесконечность*,⁵ совершенствующая себя в своем круговом движении.

Понятно, далее, почему Гегель характеризует спекулятивную Всеобщность как „свободную силу“.⁶ Всеобщее есть творческая сила, не страшась самоотрицания⁷ и создающая через него всякое содержание; в качестве субстанции она есть „абсолютная сила“⁸ по отношению к своим акциденциям и определениям. Спекулятивная Всеобщность в отдельных сферах и представителях своих, является в виде целого ряда „невесомых“ (imponderable), нематериальных „деятелей“ (Agentien), которые проникают и „проникают бессознательным образом“ людей и вещи, и „осуществляют в них свое значение“.⁹ Ничто не может сопротивляться этим силам; ибо они *существенны*, а все прочее перед ними несущественно.¹⁰ Такими сообщающими себя¹¹ духовными силами являются в разных сферах бытия: законы, нравы, разумные представления вообще (в сфере духа), движение, теплота, магнетизм, электричество (в сфере природы);¹² свободные от материальности, эти силы только на ступени „единичного“ получают определение „материальности“,¹³ и все вместе в качестве „особенных всеобщностей“ несут в себе дыхание единого духа, единой всеобщей субстанции.

Тому, кто даст себе труд углубиться в понимание всех этих определений, формулирующих точку зрения спекулятивной философии, сущность Всеобщего предстанет в той непосредственной простоте, в какой она предносилась самому Гегелю. Природа Всеобщего состоит в том, чтобы быть самим собою и в то же время своим инобытием.¹⁴ Оно как бы преодолевает и захватывает¹⁵ всякое „инобытие“ и образует с ним единство;¹⁶ ничто не может избежать этой участи.¹⁷ Всеобщее проникает во все, проходит¹⁸ через все, не зная границ и не позволяя прерывать свою деятельность.¹⁹ Оно представляет из себя единую

¹ Ср.: Skept. 103.   ² Ср.: Recht. 59.   ³ Ср.: Log. III. 42, а также: Log. III. 40. 43. 44. 333. 334. Enc. III. 71. Recht. 56.   ⁴ Log. III. 349.
⁵ Ср.: W. Beh. 343. 355. Recht. 41. 73.   ⁶ Ср.: Log. I. 39.   ⁷ Ср.: Log. III. 42.
⁸ Enc. III. 104.   ⁹ „Sich in ihnen geltend machen“: Log. III. 187—188.
¹⁰ „ein Unwesentliches“: Log. III. 187—188.   ¹¹ „mittheilbare“: Log. III. 187—188; ср.: Log. III. 349.   ¹² Log. III. 187—188.   ¹³ Log. III. 187—188.
¹⁴ „sein Anderes“: Enc. I. 36; ср.: Log. III. 259. 261.   ¹⁵ „übergreift“.
Ср.: Log. I. 48. Log. III. 39. Enc. III. 53 (Z.). Enc. III. 353.   ¹⁶ Ср.: Enc. III. 353. Log. III. 104.   ¹⁷ Enc. I. 36.   ¹⁸ Ср.: Phän. 209. Log. III. 118. Enc. III. 275 (Z.).   ¹⁹ Enc. III. 275 (Z.). Rel. I. 53.

субстанциальную непрерывность и сплошность,¹ которая угашает² в „непреодолимой эластичности своего единства“³ всю видимую разрозненность и многообразие деятельных начал. Поэтому Всеобщее, будучи с виду в „другом“, на самом деле остается самим собою; оно не переходит ни во что „другое“⁴ и не насилует чужую природу,⁵ растворяя ее в себе, впитывая ее, усвоая и ассимилируя до полного слияния в тождество. Оно беспрепятственно⁶ вживается во всякое, с виду чуждое ему, многообразие, живет в нем⁷ и в то же время остается всецело равным себе,⁸ тождественным с собою⁹ и неизменным по существу.

Таким образом, Всеобщее, непрерывно и неомрачено продолжая себя через всякое содержание, обнаруживает способность к „бессмертному самоподдержанию“.¹⁰ Имея перед собою какое-либо „инобытие“ или „различие“, оно знает, что оно, само Всеобщее, составляет сущность этого другого; и потому оно *относится к другому так, как к самому себе*: Всеобщее есть *любовь, свобода в любви*.¹¹ И потому оно может быть названо также „безграничным блаженством“.¹²

Отсюда проистекает и *простота* Всеобщего. Жизнь его слагается с высокой внутренней целесообразностью.¹³ Род есть *органическая* Всеобщность,¹⁴ прогрессивно развертывающая себя самоё как всеобъемлющее единство. Это органическое развитие обнаруживает в результате, что Всеобщность есть единое *все*, в котором „снято“ всякое обособленное существование. Поэтому, обретая во всем *только себя*, Всеобщее *относится только к себе*; вся его сложность, вся его полнота¹⁵ и богатство¹⁶ уживаются с величайшей *простотой*¹⁷ и *непосредственностью*.¹⁸ И в этом обнаруживается с величайшей наглядностью, что истинная Всеобщность есть сама *спекулятивная мысль* или *абсолютная Субстанция*. Жизнь ее цельна и спокойна;¹⁹ она подобна органическому, всепреисполняющему творческому трепету.²⁰

Таков характер и таково значение истинной²¹ Всеобщности. В качестве спекулятивной мысли она со всеми своими свойствами есть столь же объект, проникающий и охватывающий субъекта,²² сколь сам субъект, преодолевающий и захватывающий всякий

¹ „Kontinuum“: Phän. 389. 504. 506. Log. III. 38—39. 292. 293. ² „auslöscht“: Phän. 548. ³ Phän. 548. ⁴ Ср.: Log. III. 42. 60. ⁵ Log. III. 39. ⁶ „ungehindert“: Log. III. 38. ⁷ „inwohnt“: Log. III. 38—39. ⁸ Log. III. 12. 14. 38—39. 46. 218. Enc. I. 320. ⁹ Log. II. 242. Log. III. 36. Enc. I. 323. Recht. 41. ¹⁰ Log. III. 38—39. ¹¹ „freie Liebe“: Log. III. 39—40. ¹² „schränkenlose Seligkeit“: Log. III. 39—40. ¹³ Phän. 199. 200. 201. Enc. I. 117. 118. См. главу седьмую. ¹⁴ Phän. 221; ср.: 209. 446. ¹⁵ Log. III. 160. ¹⁶ Log. III. 37. См. главу седьмую. ¹⁷ Ср., напр.: Log. III. 37. 37. 108. 160. 166. 332. 345. ¹⁸ Ср.: Log. III. 46. 166. 332. 333. 335. Enc. III. 353. ¹⁹ Ср.: Log. III. 39. ²⁰ „in sich selbst erzittern“: Log. III. 253. ²¹ Ср.: Phän. 56. Log. I. 48. Log. III. 42. Enc. I. 126. 390. Enc. III. 353. 357 (Z.). ²² См. главу третью.

объект, и заключающий его в себе так, как чистая форма включает свое содержание.¹ Это означает на языке обыденного понимания, что жить в формах Всеобщего свойственно не только познаваемой сущности мира и души, но и познающему разуму: разум, живя по свойственному ему самому способу, сливается с познаваемым предметом („природой“, „душой“, „государством“, „искусством“), который живет тем же самым способом; ибо сущность субъекта есть спекулятивная мысль, и сущность объекта есть тоже спекулятивная мысль. Смысл познает сам себя; Всеобщее реально и „само по себе“ и „для себя“.² В таком значении Всеобщее абсолютно: Дух восходит к свету своей мысли,³ он есть *знающий* Дух и в самой истинной сущности своей „абсолютный Дух“.⁴

В этом-то элементе живет и движется все сущее и вся философия.⁵ Философия искони направлена на Всеобщность, творящую себя в мысли, и существует или в процессе самопознания, происходящем в Понятии, или в завершенном покое состоявшейся познанности; нормально и в том и в другом.

В этой жизни своей Всеобщее имеет свой особый, имманентный ему ритм „движения“ и свою абсолютную „цель“. Этот ритм есть *диалектика*; эта цель есть *спекулятивная конкретность*.

Глава шестая

ДИАЛЕКТИКА

Понятию как таковому свойственна некая внутренняя диалектика: ему свойственно становиться во „внутреннее противоречие“ с самим собою, разделяться на новые понятия, исключаящие друг друга. В этом его универсальное, основное и специфическое свойство: нет понятия, которое не таило бы в себе своего собственного „противоречия“; нет понятия, которое не распадалось бы в самом себе на взаимно „отрицающие“ друг друга образования. И это свойство понятия не только не отзывается губительно на познании и на философии, но, наоборот, служит к их утверждению и расцвету.

Согласно этому, задача философии состоит, по-видимому, не в том, чтобы бороться с противоречиями и преодолевать их, но в том, чтобы отыскивать их и пребывать в них. „Логическое противоречие“ — это чуть ли не сущность всей философии. На-

¹ Ср.: Енс. III. 286—287. ² Ср.: Log. III. 97—98. 117. 159. 181. 187. Rech. 59. Ph. G. 29—30. ³ Log. I. 148. ⁴ Phān. 418. ⁵ Ср., напр.: Phān. 3.